

ГЕНРИ

МЕРРИМАН

ГВАРДЕЕЦ

БАРЛАШ

История в романах

Генри Мерриман
Гвардеец Барлаш

«Public Domain»

1903

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Мерриман Г. С.

Гвардеец Барлаш / Г. С. Мерриман — «Public Domain»,
1903 — (История в романах)

ISBN 978-5-486-03407-7

Английского романиста, публиковавшего свои произведения под псевдонимом Генри Сэттон Мерриман, в действительности звали Хью Стоуэлл Скотт (1862–1903). Он трудился агентом в страховой компании Ллойда, но имел несомненные литературные способности, позволившие ему в дальнейшем посвятить свою жизнь сочинению романов, многие из которых были в свое время достаточно популярны. Мерриман писал свои книги очень тщательно, соблюдая баланс реальности и вымысла, благодаря чему его романы даже в наши дни занимают высокое место в ряду приключенческой и исторической литературы. В то же время он был необычайно скромным человеком, что объясняет не столь высокую известность его в литературных кругах. В числе его романов «Неопределенность» (1890), «Заключенные и пленники» (1891), «Раб лампы» (1892), «Из поколения в поколение» (1892), «Сеятели» – считающийся одним из лучших (1896), а также «Угол» (1898), «Островок беспокойства» (1900), «Перчатка» (1901), «Последняя надежда» (1903) и другие. В данном томе представлен захватывающий исторический роман «Гвардеец Барлаш» (1903), повествующий о знаменитом наполеоновском походе.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03407-7

© Мерриман Г. С., 1903

© Public Domain, 1903

Содержание

I	7
II	11
III	15
IV	20
V	25
VI	29
VII	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Генри Сэттон Мерриман

Гвардеец Барлаш

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

I

Все в один летний день

*Il faut devoir lever les yeux,
pour regarder ce qu'on aime¹.*

Несколько детей сидело на ступеньках Мариенкирхе в Данциге: дверь храма была отперта. Церковный сторож, Петер Кох (в будние дни просто слесарь), сказал им, что в церкви не будет больше никаких богослужений. Он даже настолько проболтался, что попросил их уйти. Вследствие этого они, конечно, остались.

В действительности же за высокими ставнями Мариенкирхе – собора, выстроенного из красного кирпича в великие дни Ганзейского союза, – происходило бракосочетание.

Толстая торговка рыбой переступила порог и шепотом спросила у Петера Коха, указывая на новобрачную.

– Кто это?

– Младшая дочь Антуана Себастьяна, – ответил сторож, кивая на дом, стоявший по левую сторону Фрауэнгассе, – в нем жил Себастьян.

Этот кивок был в высшей степени многозначителен, потому что Петер Кох жил за углом, в малой Шмидегассе, и, конечно... чисто по-соседски интересовался теми, кто пьет молоко от одной с ним коровы и покупает вместе с ним дрова у одного и того же жида.

Торговка рыбой задумчиво посмотрела вдоль Фрауэнгассе, где все дома имели разные крыши и не менее трех этажей. Она показала на дом под номером тридцать шесть с каменной балюстрадой у широкой веранды и коваными железными перилами с обеих сторон ступенек, которые вели на улицу.

– Они учат танцам? – спросила она. Кох снова кивнул головой, угостившись понюшкой табаку.

– А он, отец?

– Он пикирует на скрипке, – ответил сторож и посмотрел на корзину с рыбой с видом человека, не желающего вдаваться в дальнейшие подробности, ибо слесарь – столь же надежный хранитель тайн, как и нотариус.

Бракосочетание тянулось долго и не отличалось торжественностью. Через открытую дверь не было слышно органа и хора, а только чей-то одинокий протяжный, монотонный голос. В северных странах требуется для согревания сердец что-нибудь большее, чем праздничный звон колоколов. Там торжества отмечаются хорошей пищей и вином, прилично потребляемыми при закрытых дверях.

В сущности, над Данцигом нависла туча. Эта туча, величиною не больше ладони, поднялась на Корсике сорок три года тому назад. Она отбросила тень на всю Францию, распространилась на Италию, Австрию, Испанию и добралась даже до далекого севера – до Швеции. И теперь она висела над Данцигом, самым крупным из ганзейских городов, над свободным городом Данцигом. Данцигу никогда не приходилось доказывать, что он поляк или пруссак, швед или подданный короля. Он был просто Данцигом, что равносильно в наше многословное время тому, когда своим адресом имеешь только название, обозначенное на карте.

Несколько лет тому назад Наполеон, к угрюмому удивлению горожан, поставил в свободном городе гарнизон французских войск. Пруссия, по понятным причинам, не воспротивилась этому. За последние четырнадцать месяцев горизонт сильно расширился. Тучи, видимо, соби-

¹ Открой душу, посмотри и ты увидишь своего возлюбленного.

рались над этим цветущим северным городом, в котором люди, впрочем, продолжали есть и пить, жениться и выходить замуж, как во всяком другом городе равнины.

Петер Кох положил в карман своего порыжевшего сюртука испачканный табаком носовой платок и отошел в сторону. Он пробормотал несколько общепринятых слов благословения вслед за более сильными увещаниями в адрес любопытных детей. Дезирэ Себастьян вышла на улицу, озаренная солнечным светом.

Что она рождена была для солнечного света – это ясно читалось в ее личике, в веселых, добрых, голубых глазах. Она была высока, стройна и гибка, какими бывают только английские, польские и датские девушки. Но цвет лица и волос казался более определенным, чем у белокурой англосаксонской молодежи: ее волосы имели золотистый оттенок, а кожа отличалась той поразительной молочной белизной, которая встречается только у тех, кто живет около озер, скованных льдом. Ее глаза были светло-голубого цвета – цвета летнего неба над Балтийским морем, на щечках цвели розы, а глаза – смеялись. То была невеста, душу которой не омрачило еще никакое беспокойство.

При виде такого счастливого лица сторонний наблюдатель мог бы прийти к заключению, что невеста достигла того, чего давно страстно желала; что она получила титул и что к брачному контракту приложены надежные подписи и печати.

Но Дезирэ не думала ни о чем подобном.

Муж, должно быть, шепнул ей что-нибудь смешное о Кохе, потому что она, всегда быстро отзывавшаяся на любую шутку, посмотрела на изменившееся лицо мужа и тихо, но весело и по-детски рассмеялась, когда они вместе сходили со ступенек на залитую солнцем улицу.

На Шарле Даррагоне был один из тех бесчисленных мундиров, которые так оживляли мир в памятные дни величайшего в истории полководца. Он, несомненно, был француз и, несомненно, дворянин, как в 1812 году, так и теперь. Судя по его маленькой голове, тонким, энергичным чертам, грациозной походке и изящной фигуре, этот человек был одним из многих, фамилия которых начинается с четвертой буквы французского алфавита со времен Террора.

Он был только субалтерн-офицер в полку эльзасских рекрутов, но это ничего не значило в дни Империи. Три короля в Европе начали свой подъем с не более высокой ступени.

Фрауэнгассе – короткая улица, к тому же суженная террасами, которые выступают от фасада каждого дома и стараются отвоевать несколько дюймов у соседа. Она идет от Мариенкирхе до Фрауэнтор и в описываемое время она была такая же, как и триста лет тому назад.

Дезирэ с улыбкой кивнула детям: они ее очень заинтересовали. Она была так проста и женственна, какими бывают некоторые женщины, которые, надо надеяться, останутся такими до конца света. Дезирэ всегда радовалась, когда видела детей. Она, видимо, была довольна, что ребяташки собрались посмотреть на нее. Шарль, подчиняясь слабому и бессознательному барскому позыву, который довел его отца до гильотины, опустил руку в карман, ища там деньги, но не нашел там ничего.

Шарль вынул руку из кармана и растопырил пальцы, показывая, что там пусто.

– У меня ничего нет, маленькие граждане, – сказал он с притворной серьезностью, – ничего, кроме благословения.

Но он весело сделал над их головами жест не благословения, а точно посыпал их перцем, что заставило всех расхохотаться. Жених и невеста вторили детям со столь же легким сердцем и голосами едва ли менее детскими.

Фрауэнгассе пересекает под прямым углом Пфаффенгассе, и через эту узкую улицу тянутся постоянные торговые караваны к рынку Лангемаркт в центр города. Когда маленькая свадебная процессия приблизилась к углу этой улицы, ей преградил путь приближающийся кавалерийский отряд. В этом зрелище не было ничего необычайного, так как данцигским улицам было тогда не привыкать к топоту кавалерии.

Но при виде первых кавалеристов Шарль Даррагон поднял голову и удивленно вскрикнул.

Дезирэ посмотрела на него, затем проследила направление его взгляда.

– Кто они? – шепнула она, так как эти мундиры были ей незнакомы.

– Кавалерия старой гвардии, – ответил ее муж и перевел дух.

Кавалеристы исчезли, а вслед за ними показалась дорожная карета с высокими колесами, втрое больше данцигских дрожек, вся белая от пыли. Карета имела маленькие квадратные окошки. Когда Дезирэ, повинуясь движению руки своего мужа, отступила назад, она мельком увидела в глубине кареты чье-то бледное и осунувшееся лицо, с таким выражением глаз, будто они смотрели, но не видели ничего, что происходит вокруг.

– Кто был это? Он посмотрел на тебя, Шарль, – сказала Дезирэ.

– Это император, – ответил Даррагон. Он побледнел, и взгляд его оставался блуждающим, как у человека, который видел видение и еще не пришел в себя.

Дезирэ обернулась к стоявшим позади спутникам.

– Это император, – сказала она странным, не свойственным ей голосом и пристально посмотрела вслед карете.

Ее отец, высокий седой старик с орлиным носом и непроницаемым лицом, стоял неподвижно, как статуя. Наконец он очнулся и поднял руки к лицу, точно хотел спрятать.

– Он видел меня? – спросил старик тихим голосом, так, что одна Дезирэ слышала его.

Она посмотрела на отца, и ее глаза, чистые и ясные, как безоблачное небо, вдруг потемнели от внезапного и мучительного подозрения.

– Он, казалось, видел всех, но смотрел только на Шарля, – ответила Дезирэ.

Они все еще стояли на солнцепеке и смотрели в направлении Лангемаркта, где башни Ратуши возвышались над крышами домов. Пыль, поднятая лошадьми, медленно осела на их свадебных нарядах. Наконец Дезирэ сделала движение по направлению к дому.

– Ну, – сказала она со слабым смехом, – Император не был приглашен на мою свадьбу, а все-таки приехал.

Следовавшие за ней тоже засмеялись, ибо невесте в церкви, судьбе на суде и преступнику на эшафоте стоит произнести любую незначительную шутку, чтобы вызвать всеобщее веселье. Смех часто бывает просто накипью слез. В небольшой группе людей можно было заметить лица, которые внезапно побледнели, но блеее всех стало прекрасное лицо Матильды Себастьян, старшей сестры Дезирэ. Она была сердита, хмурилась на детей и, казалось, находила эту свадьбу слишком буржуазной. Матильда высоко держала голову и точно хотела показать всему миру, что она никогда не согласится выйти замуж в такой скромной обстановке и идти от церкви по пыльной дороге в атласных туфлях, точно дочь какого-нибудь бюргера.

Во всяком случае, старый слесарь Кох, должно быть, сумел прочесть все это на ее прекрасном недовольном лице.

– Ага! – пробормотал он, запирая церковь. – Но не всегда те, у кого легче всего на душе, уезжают из церкви в карете.

Свадьба была такая простая, что и невесте, и жениху, и всем гостям пришлось ожидать на улице, пока прислуга откроет парадную дверь дома тридцать шесть большим ключом, который Дезирэ поспешно вынула из кармана передника.

На улице не замечалось никакого особого оживления. Окна одного или двух домов были украшены цветами. Это были дома друзей семьи. Прочие же казались безмолвными за тюлевыми занавесками, из-за которых, несомненно, подглядывали критикующие глаза. То были дома соседей.

Гостей было немного, и среди них выделялся только один. На нем, как и на женихе, красовался французский мундир. Он был низкого роста и несколько резок, как и подобает военному, служившему в Италии и Египте. Но у него была приятная улыбка и та приветливость в манере

рах, которой многие научились в первые годы великой Республики. Он и Матильда Себастьян никогда не смотрели друг на друга – от того ли, что между ними существовало некое соглашение, или же, наоборот, несогласие.

Хозяин, Антуан Себастьян, довольно хорошо исполнял свою роль, когда вспоминал о ее существовании. Он внимательно слушал одну очень старую даму, которая, оказалось, тоже когда-то выходила замуж, но это было так давно, что весь основной интерес терялся в массе мелких деталей, которые она только и могла припомнить. Не успела дама рассказать и половины своей истории, как внимание Себастьяна было уже отвлечено иными мыслями, хотя его сухая фигура не изменила своего застывшего положения и выражала внимание и вежливую снисходительность. Его разум словно обладал способностью удаляться вдаль, оставляя Себастьяна недвижимым в той позе, какую он придал телу в последний раз.

Себастьян не заметил, что дверь отперта и что все гости ждут, когда он введет всех в дом.

– Ну, старый мечтатель, – шепнула Дезирэ, ущипнув его за руку, – веди графиню наверх в гостиную и предложи ей вина. Помни, что ты должен пить за наше здоровье.

– А разве есть вино? – спросил он с блуждающей улыбкой. – Откуда оно появилось?

– Как и все прочие хорошие вещи, мой дорогой тесть, из Франции, – ответил Шарль со всегда готовой шуткой.

Они говорили друг с другом на языке согретой солнцем страны, и этот язык обособливал их от всего остального общества.

Но когда Себастьян снова обратился к старой даме, которая продолжала припоминать подробности своей давнишней свадьбы, то заговорил по-немецки и предложил ей руку с натянутостью, которая внезапно появилась у него вместе с переменой языка.

Они поднялись по истертым временем ступеням и вошли в высокую резную дверь, над которой какой-то благочестивый ганзейский купец написал священные слова, в которые, по видимому, свято верил: «Если Бог в доме, то нет нужды в ином страже». Но подкрепил свое верование необычайно крепкими болтами, замками и решетками на всех окнах.

Горничная в воскресном платье, погрозив детям кулаком, закрыла дверь за последним гостем. В том, что касалось Фрауэнгассе, событие было исчерпано. Из открытого окна доносились только тихий гул спокойных голосов, звон стаканов при произнесении тостов да звонкий смех самой невесты. Дезирэ продолжала держаться оптимистического образа действий, хотя ее муж теперь плохо помогал ей в этом, после того как по Пфаффенгассе проехала пыльная дорожная карета, которая играла роль буревестника в противоположных концах Европы.

II Ветеран

*Не то, что я есть, но то,
что я делаю, – мое царство.*

Дезирэ сама сшила все свое приданое. Она называла его «моя бедная, маленькая свадебная корзина» и даже сама испекла пирог, который в торжественную минуту с некоторой церемонией разрезал ее отец.

– Я дрожу, – воскликнула она громко, – при мысли о том, каков он внутри!

Одна только Матильда не улыбнулась, услышав это невольное признание. Речь все еще шла о пирогах, и графиня сказала, что он почти так же хорош, как тот пирог, который был испечен в дни празднеств в честь Фридриха Великого, когда горничная вызвала Дезирэ из комнаты.

– Солдат, – шепнула она, – стоит на площадке лестницы. У него в руках бумага. Я знаю, что это значит. Он назначен к нам на постой.

Дезирэ поспешно сбежала с лестницы. В узкой передней ее ожидал широкоплечий маленький человек. Это был толстяк с багровым цветом лица, с растрепанными у висков седыми волосами. Его глаза прятались за косматыми бровями, а лицо казалось еще шире от маленьких бакенбард, доходивших до ушей. Он загорел, и в его морщинах, казалось, скопилась грязь от множества походов.

– Барлаш, – отрекомендовался он кротко, протягивая синюю бумагу, – гвардеец. Когда-то был сержантом. Италия, Египет, Дунай.

Он нахмурился на Дезирэ, пока она читала бумагу при тусклом свете, который лился от решетчатого окна над дверью.

Затем он обернулся к смазливой горничной, которая, затаив дыхание, осматривала его с ног до головы.

– Папа Барлаш, – прибавил он в качестве назидания и при этом опустил левую бровь, так что она едва не коснулась щеки. Его правый глаз, серый и пронизательный, пристально посмотрел в ответ на удивленный взгляд Дезирэ.

– Разве это значит, что мы должны разместить вас в квартире? – спросила Дезирэ, не скрывая своего отвращения. Она говорила на своем родном языке.

– Француженка? – произнес солдат, смотря на нее. – Хорошо. Да. Я назначен сюда на постой. Тридцать шесть, Фрауэнгассе. Себастьян, музыкант. Вы счастливички, что заполучили меня. Я всегда нравился своим хозяевам. Ха!

Барлаш коротко рассмеялся. Левой рукой он держал охапку дров, связанных красным носовым платком с табачными пятнами. Чтобы облегчить первые сомнительные шаги к дружбе, он протянул эту охапку Дезирэ таким жестом, каким только Соломон мог протянуть царице Савской драгоценные дары.

Дезирэ приняла охапку дров и крепко прижала их к своему свадебному платью. Тогда, по лукавому блеску серого глаза, который один был виден, она узнала, что этот воин багрового цвета улыбается.

– Это хорошо, – сказал Барлаш. – Мы уже подружились. Вы счастливы, что получили меня. Вы, может быть, сейчас и не думаете так. Не желает ли эта женщина, чтобы я заговорил с ней по-польски или по-немецки?

– Неужели вы говорите на стольких языках?

Гвардеец пожал плечами и развел руками настолько, насколько ему позволяла его ноша: он весь был увешан пакетами и узелками.

– Старая гвардия, – сказал он, – всегда в состоянии сделать так, чтобы ее поняли, – и Барлаш потер руки как энергичный человек, готовый ко всякой работе.

– Ну а теперь покажите мне, где я буду спать? – попросил он. – Я, понимаете ли, не требователен. Через несколько минут почувствую себя как дома и буду, может быть, чистить картофель. Только штатский человек стыдится применять свой нож на кухне. Меня называют папа Барлаш.

Не дожидаясь приглашения, он так уверенно пошел искать кухню, точно уже знал расположение дома. Его шествие сопровождалось таким звоном посуды, какое бывает только при перевозке мебели.

У дверей кухни он остановился и громко засопел: чувствовался легкий запах горелого жира. Папа Барлаш обернулся к прислуге и укоризненно погрозил ей пальцем, но ничего не сказал. Он посмотрел на блестяще отполированную посуду, на стол и пол, выскобленные сильной женской рукой, и одобрительно кивнул головой.

– В походе, – сказал он, ни к кому не обращаясь, – кусочек конины, поджаренный на горящих углях на кончике штыка, конечно, хорош, но в мирное время...

Он замолчал и направился к кастрюлям, ясно показывая этим, что между походами он склонен был пожить хорошей жизнью.

– Я знатный едок, – бросил он через плечо, обращаясь к Дезирэ.

– Как долго вы останетесь здесь? – спросила практичная Дезирэ.

Постой считался несчастьем, которое Шарлю Даррагону удавалось до сих пор отклонять. Он имел некоторое влияние как офицер штаба главной квартиры.

Барлаш неодобрительно поднял руку. Вопрос этот он, видимо, считал не совсем деликатным.

– Я не останусь в долгу, – сказал он, – долг платежом красен – вот мой девиз. Когда вам нечего дать, лучше улыбнитесь.

Он указал на охапку дров, которую Дезирэ продолжала растерянно прижимать к груди, затем обернулся и открыл низкий шкаф слева от плиты. Он, точно следуя инстинкту, которым одарены поденщицы и другие опытные хозяйки, знал, где хранились дрова, Лиза издала легкий возглас удивления от его дерзости и догадливости, Барлаш взял дрова, развязал платок и бросил свой подарок в шкаф. Затем посмотрел на Дезирэ и впервые заметил, что у нее плечи и пояс украшены светлыми лентами, на шее висит тоненькая золотая цепочка и цветы приколоты к платью.

– Праздник? – спросил он.

– Моя свадьба, – ответила она, – я обвенчалась полчаса тому назад.

Он посмотрел на нее из-под седых бровей. Его лицо было способно принимать только одно свирепое выражение. Но как собака, которая может выражать больше, чем многие люди, с помощью сотни инстинктивных движений, он, казалось, мог, при случае, вполне обходиться без слов. Ясно было, что Барлаш не одобрял брака Дезирэ; он дал ей понять, что она почти ребенок, с нелогичным мышлением и слишком нежна, чтобы успешно бороться в мире, полном зла и опасностей.

Затем Барлаш сделал жест, как бы извиняясь за то, что вмешался не в свое дело, и задумчиво отвернулся.

– Я сам имел такого рода неприятности, – объяснил он, поправляя поленья в очаге кончиком исковерканного ржавого штыка, – давно это было. Ну да все-таки я могу выпить за ваше здоровье, мадемуазель.

Он обратился к Лизе, дружески кивнув ей головой и далеко высунув язык, как это принято делать в простонародье, когда хотят показать, что в горле пересохло.

Дезирэ всегда была хозяйкой в своем доме. Естественно, что к ней и обратилась Лиза, когда папа Барлаш сделал нашествие на кухню. И когда воин был умиловивлен вином, Лиза возбужденно шепталась с Дезирэ в большой темной столовой, украшенной мрачными старыми картинами и тяжелой резьбой, о том, куда же поместить постояльца.

Объект их размышлений прервал торопливое совещание, открыв дверь и просунув свою лохматую голову в столовую.

– Не стоит долго толковать об этом, – сказал он, – за кухней есть комнатка, выходящая во двор. Она забита ящиками. Но мы можем их вынести... и готово.

При этом он жестом показал такую картину домашнего покоя и уюта, которая далеко превосходила его скромные требования.

– Черные тараканы и я – старые друзья, – весело заключил он.

– В доме нет тараканов, мосье, – сказала Дезирэ, не решавшаяся принимать его предложение.

– Ну так я покорюсь одиночеству, – возразил он, – там тихо. Я услышу, как хозяин играет на скрипке. Ведь он этим занимается на досуге, не правда ли?

– Да, – ответила Дезирэ, все еще колеблясь.

– Я тоже музыкант, – сказал папа Барлаш, снова повернувшись к кухне, – я играл на барабанах при Маренго.

И, направляясь к комнате позади кухни, он кивком головы выразил товарищескую симпатию тому господину наверху, с которым он еще не познакомился и который на досуге играет на скрипке. Они стояли втроем в маленькой комнате, которую Барлаш с быстротой опытного завоевателя отметил для своего личного пользования.

– Ваши сундуки, – заметил он как бы между прочим, – сделаны во Франции. Эта коренастая девушка и я быстро перенесем их. А вы, мадемуазель, возвращайтесь-ка к своему свадебному пиру.

«Да будет Господь милостив к вам», – прибавил он про себя, когда Дезирэ ушла.

Она смеялась, поднимаясь по лестнице. Ступеньки не издавали ни малейшего скрипа под легкими шагами этой тонкой белой девушки, чей силуэт резко выделялся на потемневшей от времени деревянной резной лестнице. Сколько утомленных ног взбиралось по ней со времени ее постройки! Ибо данцигцы испытали многое: их терзали войны, их морили голодом, и они вечно переходили из рук одного завоевателя к другому.

Дезирэ извинилась перед гостями и откровенно объяснила причину своего отсутствия. Она легко отнеслась к этому происшествию. Дезирэ редко грустила: она и Матильда, испытав более тяжелые печали, привыкли скрывать мелкие тревоги повседневной жизни, которые ожесточают многих женщин, хныкающих во всеуслышание.

Дезирэ с удовольствием заметила, что ее отец не придавал большого значения приходу папы Барлаша, хотя Матильда движением бровей выразила свое неудовольствие по поводу этого известия. Антуан Себастьян серьезно вошел в свою роль хозяина, которая так редко исполнялась им во Фрауэнгассе. Он был любезен и быстро замечал, чего недостает кому-либо из гостей, сразу же предупреждая невысказанное, но вероятное желание. Следуя его понятиям о гостеприимстве, необходимо было скрывать от общества личные дела, и в особенности, личные неприятности.

– О нем, конечно, позаботятся на кухне, – произнес Себастьян с величественным видом.

Шарль почти не слушал, что говорила Дезирэ. Можно было подумать, что такой жизнерадостный человек легко отнесется к мелкой неувязке. Но он необыкновенно глубоко задумался. Событие этого утра заставило его, по-видимому, остановиться на усыпанном розами пути. Он не раз оборачивался, чтобы посмотреть в открытое окно, и временами точно прислушивался к уличному шуму.

Вдруг Шарль встал и подошел к окну. Наступила минутная пауза, и все отчетливо услышали лошадиный топот и звонкое бряцание сабли о стремя.

Выглянув в окно, Шарль сказал с поклоном Матильде:

– Извините меня. Это, кажется, ко мне.

И он побежал вниз по лестнице, а разговор снова стал общим.

– Вы, – сказала графиня, дотрагиваясь до руки Дезирэ своим веером, – вы, ставшая его женой, должны сейчас сгорать от нетерпения – узнайте поскорее, что вызвало его уход. Не обращайтесь внимания на «приличия», дитя мое.

Дезирэ не замечала у себя прежде этого всепожирающего любопытства, но, когда ей сказали о нем, она последовала за Шарлем.

Дезирэ нашла его стоящим у открытой двери. При ее приближении он сунул в карман письмо и обернулся к ней с таким выражением лица, какое Дезирэ видела только однажды, на углу Пфаффенгассе, когда мимо них проезжала карета императора. Это было белое, полуокаменевшее лицо человека, который увидел что-то неземное.

– За мной прислал... Меня требуют на главную квартиру, – сказал он неопределенно. – Я скоро вернусь.

Шарль взял шапку, сделал неудачную попытку притвориться веселым, поцеловал пальчики жены и выбежал на улицу.

III

Судьба

*Мы проходим. Тропинка, по которой бредет каждый человек,
густо заросла или зарастет травой.*

Когда Дезирэ подошла к лестнице, то навстречу ей стали спускаться гости. Они спешили распроститься как люди, почувствовавшие, что слишком засиделись против воли хозяев.

Матильда холодно выслушивала банальные извинения. Мало кто понимает такую простую вещь, что нет никакой нужды извиняться в своем уходе. Себастьян стоял наверху лестницы и кланялся, стараясь, по возможности, подражать немецким манерам. Словно исчез за бледной и формальной маской любезный хозяин, только что оказывавший такой гостеприимный прием с чисто французскою прелестью и изяществом.

Дезирэ рада была, что гости ушли. В воздухе носилась какая-то неловкость, какое-то смутное беспокойство, что-то неладное. Свадьба не удалась. Все шло хорошо до рокового события, пока на углу Пфаффенгассе пыльная дорожная карета не загородила дорогу свадебному шествию. С этой минуты все изменилось. Как будто грозовая туча омрачила ясность этого шествия, ибо никогда ни одна невеста и ни один жених не шли с такими легкими сердцами, с каким Шарль и Дезирэ Даррагон спускались по ступенькам Мариенкирхе.

Исколесив всю Германию, эта карета всегда оставляла позади себя беды и страдания. Люди шли день и ночь для того, чтобы, стоя у обочины дороги, увидеть, как проедет мимо них эта карета. Целые города волновались, когда до них доходила весть, что быстрые колеса зловещей кареты пронесутся по их улицам. Ненависть и обожание, страх и то жуткое ощущение, какое производит тень чего-то сверхчеловеческого, проникали в души людей при одном только стуке ее колес.

Поэтому, когда карета проехала по Фрауэнгассе, покрывая пылью свадебное платье Дезирэ, она только выполняла свое предназначение. Когда она вторглась в жизнь немногих людей, которые смутно искали свое счастье, как язычники ищут неизвестного Бога, и разрушила тщательно составленные планы, смела самую сильную волю и раздавила самое крепкое сердце, она только подчинялась своему предопределению. Пыль, осевшая на волосах Дезирэ, покрыла также лица многих тысяч мертвецов. Беспокойство, переступившее порог спокойного домика по левую сторону Фрауэнгассе, проскользнуло в тысячи дверей как царских дворцов, так и простых палаток арабов. Эта карета поставила на карту жизнь миллионов людей и разбила надежды тысяч из них. Она нарушила сон половины мира и состарила людей раньше времени.

– Должно быть, пришли еще войска, – сказала Дезирэ, уже принявшаяся за уборку, – раз пришлось прислать к нам на постой этого человека. А теперь взялись за Шарля, хотя он имеет отпуск.

Она посмотрела на часы.

– О! Надеюсь, что он не опоздает. Экипаж должен приехать за нами в четыре часа. Я еще успею помочь вам.

Матильда ничего не ответила. Их отец молча стоял у окна. Он задумчиво смотрел на улицу. Его лицо испещрили сотни мелких морщинок. Это было лицо человека, глубоко опечаленного или думающего о мести. Во всей его фигуре сквозило что-то, что говорило о былом процветании. Это был опустившийся человек, бывший когда-то состоятельным.

– Ну и скучна же наша компания, – весело заметила Дезирэ, – нечего это скрывать. И всему виной тот человек, который пересек нам дорогу в своей пыльной карете.

– Он едет в Россию, – порывисто произнес Себастьян. – Избави меня Боже увидеть его возвращение!

Дезирэ и Матильда обменялись беспокойными взглядами. Видимо, их отец имел некоторые причуды, которых они опасались. Дезирэ оставила свои дела, подошла к отцу и взяла его под руку.

– Не будем сегодня думать о неприятных вещах, – сказала она.

Он похлопал дочь по руке и ласково посмотрел на нее. Но, увидев ее несколько растрепавшиеся волосы, он, должно быть, вспомнил что-то, так как его лицо снова окаменело.

– Да, – произнес он мрачно, – но я стар, а он молод. А между тем я желаю увидеть его мертвым, прежде чем сам умру.

– Я не хочу, чтобы у тебя были такие кровожадные мысли в день моей свадьбы, – сказала Дезирэ. – Смотри, вот и Шарль возвращается; и десяти минут еще не прошло. С ним кто-то идет. Кто это? Папа, Матильда, смотрите! Кто это так поспешно возвращается с Шарлем?

Матильда, убиравшая в это время комнату, посмотрела сквозь тюлевую занавеску на улицу.

– Не знаю, – ответила она равнодушно. – Совершенно обыкновенный человек.

Дезирэ отошла от окна, как бы собираясь сойти вниз, навстречу мужу, но остановилась и снова посмотрела через плечо на улицу.

– Разве? – сказала она как-то странно. – Не знаю... я...

И она застыла в нерешительной позе, ожидая, когда Шарль поднимется наверх.

Через секунду он уже вбежал в комнату и со своей обычной стремительностью и пылкостью воскликнул еще на пороге, протягивая руки:

– Вообразите! Я спешил на главную квартиру, как вдруг попал в объятия моего милого Луи, моего двоюродного брата. Я сто раз говорил вам, что он для меня и брат, и отец, и все на свете. Я так рад, что он приехал именно сегодня.

Шарль повернулся в сторону лестницы со все еще распростертыми объятиями, как бы приглашая человека, не спеша поднимавшегося по лестнице, броситься в его объятия и в объятия людей, ставших теперь его родственниками.

– За столом промелькнула какая-то легкая тень грусти – не знаю, что это такое было, но теперь все прошло. Хорошо, что приехал наш неожиданный гость, наш милый Луи.

Разговаривая таким образом, Шарль вышел на площадку лестницы и вернулся, ведя за руку мужчину чуть повыше его ростом, с более темными волосами, со спокойным загорелым лицом и близко посаженными уверенными глазами. Он производил впечатление хорошо воспитанного человека.

– Наш милый Луи! – повторил Шарль. – Мой единственный родственник во всем мире. Мой кузен Луи д'Аррагон. Но он, *par exemple*², имеет фамилию, состоящую из двух слов.

Представленный мужчина серьезно и выразительно поклонился, посмотрев при этом на Дезирэ.

– Это мой тесть, – продолжал Шарль, не останавливаясь. – Мосье Антуан Себастьян, и Дезирэ, и Матильда... Моя жена, мой дорогой Луи... Твой кузен, Дезирэ!

Он снова обернулся к Луи и потряс его за плечи от избытка чувств. Представляя родственников, Шарль не отделил Матильду от Дезирэ, и д'Аррагон обратился к Матильде со вторым вежливым и несколько формальным поклоном.

– Я – Дезирэ, – сказала младшая сестра, застенчиво выходя вперед.

Д'Аррагон взял ее за руку.

– Какое счастье, – сказал он, – что я попал к вам именно сегодня!

² например (*фр.*).

Затем он обернулся к Матильде и, взяв ее протянутую руку, снова поклонился. Себастьян, внезапно вспомнив свои приятные, несколько старомодные манеры, выступил вперед. Он не протянул руки, а только церемонно раскланялся.

– Сын Луи д'Аррагона, которому посчастливилось скрыться в Англии? – любезно спросил он.

– Единственный сын, – ответил прибывший.

– Я польщен, что познакомился с *monsieur le marquis*³, – медленно произнес Себастьян.

– Ах, не называйте меня так! – возразил д'Аррагон, коротко рассмеявшись. – Я английский офицер, и не более.

– А теперь, мой милый Луи, я покидаю вас, – прервал их Шарль, который нетерпеливо ждал окончания этих формальностей. – Через полчаса, не более, я снова буду с вами. Ты подождешь здесь моего возвращения.

И, весело кивнув Дезирэ, он сбежал по лестнице.

Через открытые окна были слышны его легкие быстрые шаги. Почему-то все вдруг замолчали, как бы прислушиваясь к ним.

Нетрудно было понять, что д'Аррагон – моряк. У него было не только загорелое лицо, как у людей, живущих на открытом воздухе, но и его взгляд, спокойный и внимательный, напоминал тех, кто в минуты бодрствования постоянно занимался наблюдениями.

Его лицо было несколько узко, с квадратным подбородком и прямыми губами. Он говорил не так быстро, как Шарль, а тщательно взвешивал каждое свое слово, и часто казалось, что он уже собирался что-то сказать, но в конце концов передумал.

– Если память не изменяет мне, мосье, ваша матушка была англичанка, – сказал Себастьян, – чем и объясняется то, что вы находитесь на английской службе.

– Не совсем, – возразил д'Аррагон, – хотя моя мать действительно была англичанка, она умерла... во французской тюрьме. Но отец определил меня на английскую службу из чувства благодарности, и я никогда не жалел об этом, мосье.

– Ваш отец получал помощь от английского правительства после своего бегства, как и многие другие?

– Да, он был слишком стар, чтобы оплатить за это лично. Он бы это сделал, если бы мог...

Д'Аррагон остановился и пристально посмотрел на старика, который слушал его, отвернувшись к окну.

– Мой отец был из тех, – сказал он наконец, – кто думал, что, сражаясь за Бонапарта, не сражаешься за Францию.

Себастьян предостерегающе поднял руку и произнес:

– В Англии можно говорить такие слова. Но во Франции, а тем более в Данциге их нельзя высказывать.

– Англичанин, – с улыбкой возразил д'Аррагон, – может говорить их повсюду. Это одна из привилегий той нации, мосье.

Он сказал это свободно, без малейшего юношеского бахвальства. Дезирэ заметила, что на висках у него пробивается седина.

– Я не знал, – сказал он, обращаясь к ней, – что Шарль в Данциге, а тем более что он празднует такое радостное событие. Мы случайно наткнулись друг на друга на улице. Счастливый случай дал мне возможность познакомиться с вами почти сразу после того, как вы стали его женой.

³ господин маркиз (*фр.*).

– Невозможно поверить в то, что это был просто случай, – сказала Дезирэ. – Это, должно быть, судьба, если только у судьбы есть время думать о такой ничтожной особе, как я, и о таком незначительном событии в наши дни, как простая свадьба.

– Судьба, – вставила Матильда обычным спокойным голосом, – судьба явилась сегодня в Данциг.

– А!

– Да. Ваше прибытие – уже второе неожиданное событие за сегодняшний день.

Д'Аррагон обернулся и пристально посмотрел на Матильду. Он, всегда такой серьезный и внимательный, был сейчас похож на читателя, который нашел интересную книгу на пыльной полке.

– Разве приехал император? – спросил он.

– Мне показалось, что я что-то заметил в лице Шарля, – сказал он, задумчиво смотря по направлению двери, где Шарль послал всем прощальный привет. – Так император здесь, в Данциге.

Он обернулся к Себастьяну, стоявшему с окаменевшим лицом, и прибавил:

– Значит, война.

– Это всегда означает войну? – возразил Себастьян усталым голосом. – Неужели он опять окажется сильнее их всех?

– Когда-нибудь он сделает ошибку, – весело сказал д'Аррагон, – и тогда настанет день расплаты.

– Ах! – вздохнул Себастьян и покачал головой, как будто хотел сказать, что счета огромны и никто не в состоянии будет их свести. – Вы молоды, мосье, вы исполнены надежды.

– Я не молод. Мне тридцать пять лет, но я, как вы говорите, исполнен надежды. Я жду этого дня, мосье Себастьян.

– А пока? – спросил старик, который казался сейчас тенью человека, отдаленного от повседневной жизни.

– А пока каждый должен играть свою роль, – ответил д'Аррагон с едва слышным смехом, – какова бы она ни была.

В его словах не слышалось никакого предсказания, никакого скрытого смысла. Он был откровенен, прост и практичен, как та жизнь, которую вел.

– Так и у вас есть роль, – сказала Дезирэ, думая о Шарле, который был призван в столь неподходящий момент и ушел безропотно. – Это наказание, которое мы несем за то, что живем в наименее скучное время. Оно и вашей жизни тоже касается.

– Оно касается любой жизни, мадемуазель. Это-то и делает наше время столь великим. Да, и у меня есть небольшая роль. Я похож на тех невидимых сверхштатных актеров, которые обязаны смотреть, чтобы дверь всегда была открыта, дабы крупные актеры могли сделать эффектный выход. Я нужен России для наступающей войны. Это маленькая роль. Я должен держать открытой одну небольшую часть связующей линии между Англией с Петербургом так, чтобы они могли обмениваться известиями.

Говоря это, Луи посмотрел на Матильду. Она слушала с необычайным вниманием, которое он быстро заметил, как замечал все вокруг. Впоследствии он припомнил эту минуту напряженного внимания.

– Это будет нелегко, так как Дания дружественно относится к Франции, – заметил Себастьян, – а все прусские порты закрыты для вас.

– Но Швеция поможет. Она не расположена к Франции.

Себастьян рассмеялся и сделал презрительный и насмешливый жест белой изящной рукой.

– О, bon Dieu!⁴ – воскликнул он. – Что это за дружба, если она основана на опасении, что ее вдруг примут за вражду.

– Это дружба, ожидающая своего времени, мосье, – сказал д'Аррагон, берясь за шляпу.

– Так у вас, мосье, судно стоит здесь, в Балтийском море? – спросила Матильда более поспешно, чем обычно.

– Очень маленькое, мадемуазель, – ответил он, – такое маленькое, что я мог бы лавировать на нем во Фрауэнгассе.

– Но оно быстроходное?

– Самое быстроходное, мадемуазель, в Балтийском море. И вот почему, узнав от вас последние новости, я должен проститься с вами.

Говоря это, он пожал ей руку и раскланялся с Себастьяном, поколение которого довольствовалось одними формальными поклонами.

Дезирэ же направилась к двери и проводила его вниз.

– У нас одна только прислуга, – сказала она, – и та теперь занята.

На пороге д'Аррагон остановился. Дезирэ как будто ждала этого.

– Шарль и я всегда относились друг к другу, как родные братья, – сказал он. – Запомните это! Будете помнить?

– Да, – ответила она, весело кивнув, – буду помнить.

– Так прощайте, мадемуазель.

– Мадам, – поправила она его.

– Madame ma cousine, – сказал он и ушел, задумчиво улыбаясь, Дезирэ медленно поднялась по лестнице.

⁴ Боже мой! (фр.)

IV

Месяц скрылся за тучей

*Quand on se mefie, on se
trompe; quand on ne se me
fie pas, on est trompe⁵.*

Шарль Даррагон прибыл в Данциг год тому назад. Он был поручиком пехотного полка, и ему шел двадцать шестой год. Это были дни быстрого повышения по службе, когда люди жили таким стремительным ходом, что немногие доживали до старости, значительное число сверстников Шарля стало уже полковниками. Но Шарль был слишком покладистый человек для того, чтобы завидовать кому бы то ни было.

Когда он приехал в Данциг, то никого не знал в этом городе, у него было только несколько приятелей в оккупационной армии. Шесть месяцев спустя у Шарля появились знакомые на каждой улице, и он держался на равной ноге со всеми своими товарищами офицерами.

– Если бы в оккупационной армии было больше таких офицеров, как молодой Даррагон, – угрюмо сказал однажды Раппу один советник, – то данцигцы легко примирились бы с вашим пребыванием здесь.

Казалось, что Шарль обладал даром завоевывать всеобщую симпатию. Он был откровенен, чистосердечен, легко сходилась с новоприбывшими, которых в то время было много, быстро понимал их и всегда был готов на развлечения. В отношении своей особы он был совершенно откровенен и чистосердечен.

– Я просто бедный поручик, – говорил он, – и ничего больше.

Сдержанность не способствует популярности, дружба же не может существовать без нее. Шарлю, казалось, нечего было скрывать, и он был равнодушен к тайнам других. Именно таким людям чаще всего доверяются секреты.

– Но это должно остаться между нами, – не раз говорили ему.

– Друг мой, завтра я все забуду, – неизменно отвечал он, и люди, вспоминая об этом впоследствии, были довольны.

Существовала как будто некоторая дружба между Шарлем Даррагоном и полковником Казимиром, не без покровительственного отношения с одной стороны и легкого чувства подчиненности – с другой. Полковник Казимир представил Шарля Матильде на официальном приеме у генерала Раппа. Шарль, естественно, влюбился в Матильду сразу после получасового разговора. В Матильде было что-то холодное и расчетливое, что удерживало его на известном расстоянии так же верно, как самая строгая дуэнья. И в самом деле, есть девушки, у которых голова – это лучший охранник сердца.

Через несколько дней после того, как Шарль познакомился с Матильдой, он встретил на Лангегассе Дезирэ и влюбился в нее. Затем он целую неделю искал случая рассказать ей, без дальнейшего промедления, о своих чувствах. Случай вскоре представился: однажды утром Шарль увидел, как она быстро направилась к Кубрюке с коньками, висевшими у нее на руке. Было солнечное, тихое зимнее утро, какое не знакомо странам с умеренным климатом. Глаза Дезирэ сверкали задорно и радостно. Холод слегка усилил румянец на ее щеках.

При виде Дезирэ Шарль затаил дыхание, хотя она и не заметила его. Он нанял сани и поехал в казармы за своими коньками, а оттуда к Кубрюке, где на реке Моттлау было расчищено место для катания на коньках. Он переплатил извозчику и громко рассмеялся над его

⁵ Если не доверяешь, можешь ошибиться; когда доверяешь, бываешь обманут.

мужиковатым удивлением. Во всем мире не было человека счастливее Шарля Даррагона. Он собирался сейчас рассказать Дезирэ, что любит ее. Сначала Дезирэ очень удивилась, что было вполне естественно, так как она ни разу не вспомнила о приятном молодом офицере, представленном ей Матильдой. Сестры даже не обменялись мнениями на его счет, после того как он, весело поклонившись, удалился.

Дезирэ, конечно, иногда думала о подобных вещах, когда ее деятельному уму не приходилось заниматься чем-нибудь более материальным и непосредственно необходимым. Она, вероятно, уже обдумала, что ответить, когда кто-нибудь признается ей когда-нибудь в любви. Но она никогда не воображала себе этого так, как произошло в действительности. Воображение никогда не рисовало ей, что молодой человек в живописном мундире будет смотреть на нее горящими глазами, ловко скользя по льду, который поет громкую, радостную песнь под его ногами, вторя его спешному веселому признанию. Шарль легко относился к жизни и не ожидал от нее ничего, кроме счастья. В сущности же, право, трудно было грустить в такое утро.

То были совершенно непонятные дни для реалистов нашего времени. Беспечные дни начала столетия, когда люди не только бездумно тратили свою жизнь, но и ставили все на карту. Шарль Даррагон жил только настоящим. Он был влюблен в Дезирэ. Она должна выйти за него замуж.

Все произошло совершенно не так, как она представляла. Предвидя подобную ситуацию, она относилась к мужчинам с тайным недоверием. Выдуманный мужчина в ее воображении всегда внушал ей тягостное чувство застенчивости и неопределенный страх. Этот же влюбленный, наяву стоявший возле нее, не напоминал ни о чем подобном. Напротив, с ним она чувствовала себя легко и совершенно естественно. В его раскрасневшемся лице и смеющихся глазах не было ничего, что внушало бы тревогу. Дезирэ несколько не боялась его. Она даже почему-то смутно чувствовала себя взрослее Шарля, хотя он только что сказал ей, что ему двадцать пять, – следовательно, на четыре года больше, чем ей.

Она взяла фиалки, которые Шарль поспешно купил для нее по дороге на Лангемаркт, но не сказала, что любит его, потому что она его еще не любила. Дезирэ часто была очень честной. Она сказала, что подумает об этом. Она не любит его теперь – это она точно знает. Она не может сказать, что когда-нибудь научится любить его; в настоящее же время нет ничего похожего на это. В таком случае он застрелится! Он непременно застрелится, если только она не полюбит его! Дезирэ спросила: «Когда?» – и они оба рассмеялись. Они переменили тему разговора, но вскоре вернулись к ней. Самое худшее в любви – то, что к ней всегда возвращаются.

Затем он вдруг принял вид собственника и разразился множеством опасений относительно того, как он боится за нее, – за ее счастье и благополучие. Ее отец рассеян и невнимателен. Он неподходящий покровитель для нее. Не самая ли она хорошенькая девушка в Данциге, нет – во всем мире? Сестра недостаточно ее любит, чтобы должным образом заботиться о ней. Он заявил о своем намерении повидать ее отца на следующий же день. Все будет сделано как положено. Не должно возникнуть ни одного намека против безупречной репутации девушки.

Дезирэ рассмеялась и сказала, что он идет уж очень быстрыми шагами. Положиться в этих мутных водах можно было только на один ее инстинкт, что гораздо лучше опытности. Опытность в женщине равняется предварительному осуждению подсудимого.

Шарль, однако же, стал серьезен, что редко случалось с ним. Он влюбился в первый раз, что часто делает мужчин на короткий срок совершенно честными, и даже не эгоистами. Есть, конечно, мужчины, которые честны в течение всей своей жизни, что, может быть, означает, что их первая любовь длится всю оставшуюся жизнь, но такие случаи очень редки. А женщины, в которых можно влюбиться на всю жизнь, встречаются еще реже.

Итак, на следующий день Шарль подстерег Антуана Себастьяна, когда он выходил на свою утреннюю прогулку по берегу замерзшей Моттлау. Предложение Шарля было принято благосклоннее, чем он имел основание ожидать.

– Я только поручик, – сказал он, – но в наше время, мошье, вы же знаете... есть возможность.

Шарль весело рассмеялся, показывая перчаткой на другую сторону реки, по направлению к России. Но лицо Себастьяна сделалось мрачным – и Шарль, быстрый и отзывчивый, тотчас же оставил этот пункт своих доводов.

– У меня есть немного денег, – продолжал он, – вдобавок к моему жалованью. Уверю вас, мошье, я не низкого происхождения.

– Вы сирота? – коротко заметил Себастьян.

– Да.

– Жертва... террора.

– Да... я... но, да в наше тяжелое время не много придаешь значения своему родству.

– Вашего отца звали Шарлем, как и вас?

– Да.

– Вы второй сын?

– Да, мошье. Разве вы знали моего отца?

– Бывает, что припоминаешь какое-нибудь имя, – натянуто ответил Себастьян, смотря прямо перед собой.

– В вашем голосе мне послышалась... – начал было Шарль, но, увидев, что снова встал на ложный путь, прервал свою речь. – Если моя любовь может осчастливить мадемуазель, то, – продолжал он, сделав при этом правой рукой жест, которым будто хотел показать, что его страсть выше всякой меры и что ее нельзя выразить словами.

Шарлю Даррагону позволили обратиться к самой Дезирэ с соблюдением всех формальностей того времени, которые, при здравом рассмотрении, могут оказаться не глупее настоящих. Шарль не расспрашивал ничего относительно происхождения Дезирэ. Ему нужна была Дезирэ – и ничего больше. Да, в те великие дни Империи владели искусством любви и войны.

С остальным довольно легко было справиться, и Бог оказался милостив к влюбленным. Шарлю удалось даже выхлопотать месячный отпуск. Молодые должны были провести свой медовый месяц в Цоппоте – рыбацкой деревушке, затерянной в сосновых лесах Балтийского побережья, в восьми милях от Данцига, там, где Висла впадает в море.

После того как эти планы были составлены, Дезирэ занялась своим приданым с радостью и весельем, в котором любой мог принять участие. Говорят, что любовь эгоистична. Но Шарль и Дезирэ не желали держать про себя свое счастье и выставляли его напоказ. Поведение Фрауэнгассе относительно свадьбы Дезирэ было характеристикой того времени. Каждый дом в Данциге искоса смотрел на своего соседа. Каждая кровля скрывала враждебные интересы. Одни стояли за французов, другие – за недобровольного союзника завоевателя, за Вильгельма Прусского. Имена на лавочных вывесках были немецкие и польские.

Бюргеры Данцига («Этих богатых данцигцев надо заставить платить.» – писал Наполеон Раппу) стояли пораженные ужасом перед своими опустошенными конторками, их боги были низвергнуты – торговля находилась в упадке. Поэтому многие ненавидели французов и питали тайную любовь к надменным британским капитанам, столь похожим на них по сложению, по образу мыслей и по размерности речи. Англичане пробирались на своих деревянных бригах по мелким морям, невзирая на декреты, на угрозы и на военные корветы, пока лоцманы могли их провести вдоль житниц Вислы. Позднее пошлину собирала учрежденная французская таможня, и пришел конец оптовой контрабанде, на которую даже губернатор Рапп – этот длинноголовый эльзасец – закрывал глаза.

Поляков, смотревших на Данциг как на морской порт великого королевства Восточной Европы, которое уже перестало существовать, уверяли, что Франция посадит на престол Ягеллонов и Собесских. Понятовский занимал высокое место на службе у императора. Поляки стояли за Францию. Еврей, всегда прятавшийся в тени, жмушщийся поближе к стенке, торговал со всеми и не доверял никому. Кто мог сказать, какие мысли гнездились под его истрепанной меховой шапкой, какие чувства жили в сердце, подавленном презрением!

Помимо этих граждан существовало много людей, имевших в штатском платье военный вид. Ибо маятник войны качнулся от Кадикса до самого Данцига и протолкнул на север торговцев смертью – людей, которые живут тем, что кормят солдат и грабят мертвых.

Весь этот народ бродил по улицам, смешиваясь с веселыми эполетами баденцев, вюртембергцев, вестфальцев и гессенцев, которыми Наполеон наводнил Данциг в течение тех месяцев, когда он продолжал вести любезную и дружескую переписку с Александром I. Широколицые баварцы, перенесшие все войны в Центральной Европе, уже более года мирно квартировали в Данциге. В этом городе в то время слышалось около полдюжины различных наречий, и ни один человек не знал, кто может стать его другом и кто – врагом. Ибо многим, кто считался союзником сегодня, отдавали завтра приказ убивать своих друзей.

В иных погребах и самых скромных пивных, в больших домах советников и за белоснежными тюлевыми занавесками Фрауэнгассе и Портшезенгассе тысячи северян толковали о текущем положении дел, храня собственное мнение глубоко в сердце. В тайных обществах передавались из уст в уста инструкции, предостережения и одобрения. Германия всегда была очагом тайных обществ. Северная Европа породила бесчисленные организации, которые оказались сильнее монархов и надежнее престолов. Ганзейский союз, первый из коммерческих союзов, которым суждено было создать самую великую в мире империю, дольше всех просуществовал в Данциге.

Передавалось на ухо, что Тугендбунд (союз добродетели) не умер, а спит. Наполеон, который уже однажды подавил его, следил теперь за его пробуждением, держа наготове целую армию своей несравненной тайной полиции. И центр Тугендбунда находился в Данциге.

Может быть, даже в погребе Ратуши (одном из самых крупных в мире винных складов, в котором столы и стулья расставлены под сводами биржи), может быть, именно здесь Тугендбунд вдохновлял людей быть добродетельными и самоотверженными ради единственной цели – уничтожения бича Европы. Сюда с незапамятных времен приходили самые состоятельные граждане, чтобы торжественно выпить вино, которое привозили их собственные корабли с Рейна, из Греции и Крыма, из Бордо и Бургундии, из Шампани и Токая. Это был не только погреб Ратуши, но настоящая Ратуша, где данцигцы из поколения в поколение совещались за стаканчиком послеобеденного вина, оттуда распространялись по всему свету правила чести и коммерческого благородства между покупателем и продавцом, должником и кредитором, хозяином и рабочим. Данцигцы – сыновья тех, кто образовал Ганзейский союз, большей частью представительные люди с пронизательным, расчетливым взором и высокими лбами, добрые, покладистые люди, знающие свет, знающие, как вернее проложить свой жизненный путь, отменные знатоки вина и большие задиры, подобно Вильгельму Молчаливому, который бесстрашно встретил и победил бич Европы Средних веков. Передавалось из уст в уста, что эти данцигцы воскрешают Тугендбунд.

Среди столкновения такого множества враждебных интересов и при относительной свободе города, который стоял так близко от нескольких границ, люди приходили и уходили, не привлекая чужого внимания. Никакая партия не подозревала новоприбывшего в принадлежности к другой партии.

«Он пиликает на скрипке», – ответил Кох торговке рыбой. Может быть, он больше ничего не знал об Антуане Себастьяне. Себастьян был беден. Вся Фрауэнгассе знала это. Но и сама

Фрауэнгассе была бедна, да в то время ни один человек в Данциге не был настолько глуп, чтобы считать, что у него есть собственность. Неподходящее было время для хвастовства и чванства.

Фрауэнгассе знала, что Антуан Себастьян играет на скрипке ради того, чтобы заработать свой насущный хлеб, а его две дочери учат танцам ради того же самого.

– Но он так высоко держит свою голову, – заметила однажды довольно дородная дочь одного советника. – Почему у него такие преисполненные достоинства манеры?

– Потому что он учитель, – серьезно ответила Дезирэ. – Он держится так, что вы смело можете подражать ему. Поднимите подбородок. Ах, как вы неповоротливы!

Дезирэ была довольно тоненькая и еще не совсем развившаяся девушка. Она танцевала не так хорошо, как Матильда, которая держалась с видом герцогини, а в полонезе или мазурке отличалась спокойной грацией, которая была объектом зависти и отчаяния ее учениц. Матильда была терпелива с неуклюжими и тяжелыми на ногу, а Дезирэ говорила ученицам напрямик, что они топают, как слоны. А между тем ученицы боялись Матильду и только смеялись, когда Дезирэ сердито бросалась к ним и, схватив за руки, кружилась с ними вокруг комнаты с отчаянной энергией.

Себастьян с величественным судейским видом, какой приобретают только власть имущие люди, держал равновесие между сестрами и улыбался из-за скрипки жертвам Дезирэ, как бы извиняясь за несдержанность последней.

– Да, – отвечал он присутствующим матерям, желавшим вынудить у него признание, что их дочери танцуют лучше всех других учениц, – да, Матильда вбивает эту науку им в голову, а Дезирэ перекладывает ее им в ноги.

Дезирэ играла такую же активную роль и во всех хозяйственных делах. Она вставала рано и после девяти часов вечера, когда все остальные дома на Фрауэнгассе укладывались спать, все еще хлопотала.

– Это потому, что у нее нет никакой системы, – говорила Матильда, которая обладала уравновешенным характером и той сноровкой, которая не нуждается в торопливости.

V

Харчевня «Белая лошадь»

Есть люди, которые живут, не сознавая своего собственного значения. Девяносто девять из ста не имеют никакого значения, одна же сотая так поглощена своей миссией, ради которой она прислана в этот мир, что упускает из виду самого миссионера. По милостивой воле Провидения нам разрешено суетиться в нашем непосредственном маленьком кружке, подобно муравью, бегая взад и вперед с самодовольством этого насекомого. Мы, как и он, хватаем тяжесть, которая, при ближайшем рассмотрении, окажется абсолютно лишеной всякой ценности, что-нибудь, что другой бы просто выбросил. Мы перетаскиваем ее через препятствия, хотя часто существует кратчайший путь в обход; мы волнуемся, потеем и сердимся. Потом бросаем ношу и устремляемся в обратном направлении, чтобы схватить другую. Мы пишем письма своим друзьям, объясняя то, что мы делаем. Мы даже ведем дневники неизвестно для кого, объясняя самим себе то, что мы сделали. Иногда мы находим что-нибудь, что действительно кажется ценным, и тащим эту ношу к нашей собственной куче, между тем как соседи останавливаются и смотрят на нас. В сущности же, им до нас нет дела, и если слух о нашем открытии достигнет ближайшей муравьиной кучи, то его хлопотливые жители отнесутся к этому совершенно равнодушно, хотя немногие из них могут испытать мимолетное чувство зависти. Они, может быть, запомнят наше имя, но вскоре забудут то, что мы открыли: это называется славой. Когда мы падаем друг на друга, чтобы достигнуть вершины, и умираем от желания сказать друг другу, что мы чувствуем, достигнув этого, остановимся на минуту и подумаем о муравье... который вел дневник.

Дезирэ не вела дневника. Ее жизнь была слишком деятельна для простого описания. Она должна была работать ради хлеба насущного, что лучше богатства. Ее жизнь была наполнена работой с утра до ночи, и Бог наградил ее сном с ночи до утра. Лучше работать для других, чем думать за них. Когда-нибудь мир научится больше уважать простых работников, чем изощренных мыслителей.

Дезирэ помнила осаду и оккупацию Данцига французскими войсками. Она училась в школе в Иопенгассе, когда был заключен Тильзитский трактат, мир, который стал только передышкой. Она видела Луизу Прусскую – королеву, которая провела Наполеона. Детство Дезирэ прошло под гром осадных орудий. Ее отрочество во Фрауэнгассе было отмечено различными неудачами Пруссии при всяком последовательном шаге Наполеона. В начале столетия детей еще никем не пугали. Но появился страх, который, как жезл Моисея, поглотил все остальное, и дети заглушали подушками рыдания, страшась Наполеона. Не было никаких привидений в темных углах лестницы, когда Дезирэ, со свечой в руке, шла спать в восемь часов, за полчаса после Матильды. Теперь на стенах рисовались тени солдат; ветер, шумевший в комнате, походил на отдаленный грохот пушек. Когда боязливый человек оглядывался, это значило, что он страшится увидеть низкую фигуру в треугольной шляпе и длинной серой шинели.

То был век, когда жизнь отдельных лиц не ставилась высоко. Люди, которые сегодня были великими, завтра бесследно исчезали. Женщинам придавали мало значения. То были дни действий, не слов. В наше время все изменилось, и говорящий всегда найдет слушателей.

Дезирэ никогда не была подавлена сознанием своей собственной значимости, а такое чувство в наше время оставляет свой неизгладимый отпечаток на многих лицах. Она немного ждала от жизни; когда же многое ей было дано, она приняла это без опасений. Она была молода, весела и жила в интересное время.

Ее не удивило, что Шарль так долго не возвращается. Дорожная карета, которая должна была отвезти их в Цоппот, простояла на Фрауэнгассе больше часа. Кучер укрылся от после-

обеденного зноя на теневой стороне улицы. Дезирэ выбежала из дома и сказала кучеру, чтобы он уезжал.

– Нельзя же одной проводить медовый месяц, – весело объяснила она своему отцу, который стоял у окна с видом человека, ожидающего бог весть чего, – во всяком случае, совершенно ясно то, что мне ничего больше не остается делать, только ждать.

Она легко отнеслась к этому и рассмеялась над серьезным лицом своего отца. Матильда ничего не сказала, но ее молчание яснее слов говорило, что случилось то, что она предсказывала или, во всяком случае, предвидела. Она была слишком горда или слишком великодушна, чтобы выражать свои мысли словами. Гордость и великодушие часто смешиваются. Многие дают только потому, что они слишком горды, чтобы отказать.

Дезирэ достала свое рукоделие и села у окна, ожидая Шарля. До нее доносился непрерывный шум телег на набережной и голоса рабочих в больших хлебных амбарах, по ту сторону реки.

Весь город, казалось, был на ногах, и люди суетились даже на тихой Фрауэнгассе, между тем как со стороны Лангемаркта раздавались топот кавалерии и тяжелый гул лафетов. В пыльном воздухе чувствовалась какая-то суета. Приезд императора оказал магическое действие на людей. Для Дезирэ не было ничего необыкновенного в том, что ее жизнь внезапно подхвачена этим вихрем и унесена неизвестно куда.

Шарль не вернулся и к обеду. Антуан Себастьян обедал в половине пятого, как это принято в Северной Европе, но дочери снабжали его более легкими французскими кушаньями, которые он предпочитал немецкой кухне. Обед Себастьяна был событием дня, хотя ел он умеренно.

Было слишком поздно, чтобы ехать в Цоппот. После обеда Матильда и Дезирэ приготовили комнаты, которые предназначались для молодых после их возвращения из свадебной поездки.

– Нам придется отменить Цоппот, вот и все, – весело заметила Дезирэ и принялась распаковывать свои наряды, которые она так жизнерадостно укладывала накануне в сундуки.

В половине седьмого солдат принес наскоро написанную записку от Шарля.

«Я не могу вернуться сегодня, так как сейчас еду в Кенигсберг, – писал он. – Это командировка, от которой я не мог отказаться, даже если бы и захотел. Я знаю, что ты пожелаешь, чтобы я исполнил свой долг и уехал».

Остальную часть письма Дезирэ не прочитала вслух. Шарль всегда свободно говорил Дезирэ о том, как он любит ее, не заботясь о присутствующих. Теперь же ее сдерживало какое-то странное чувство, которое зародилось в ее сердце после венчания. Она ничего не сказала близким о любовных изливаниях Шарля.

– Сегодня судьба явно вмешивается в наши дела, – проговорила она, складывая письмо и пряча его в рабочую корзину.

Дезирэ не произнесла больше ни одного слова жалобы и вернулась к своей работе как будто даже с некоторым чувством облегчения. Матильда, холодные глаза которой всегда все видели, читали всякую мысль, посмотрела на нее с внезапным интересом. Она была отчасти удивлена той стойкости, с которой Дезирэ восприняла это новое огорчение.

Антуан Себастьян не имел привычки пить чай по вечерам – привычки, столь прочно укоренившейся в северных странах, соседей России. Вместо этого он обыкновенно отправлялся в один из многих винных погребков города и не спеша выпивал там стакан пива в компании немногих имевшихся у него в Данциге приятелей. Он любил уединение, и те, кто хорошо знал его в лицо, напрасно ожидали от него поклона или простого кивка головой.

Если он посещал погреб Ратуши, то только по приглашению приятелей, потому что не в состоянии был платить по ценам этого погреба, хотя когда ему приходилось пить вино, то он его смаковал.

Чаще всего он совершал прогулку, направляясь к Фрауэнтор, выходил на набережную, поворачивал налево или направо и возвращался через городские ворота по кривым, узким переулкам на главную улицу, которая и до сих пор носит название Портшезенгассе, хотя по ней уже давно не проезжают большие почтовые кареты. Здесь, на северной стороне улицы, находится старая харчевня под вывеской «Белая лошадь», со сломанной, плохо сделанной головой белой лошади над дверью. По фасаду дома готическими буквами написано приглашение:

«Входи с Богом,
Принеси счастье».

Но, видимо, немного людей откликалось на этот призыв. «Белая лошадь» устарела уже сто лет тому назад, а мода искала себе более широкие улицы.

Может быть, Антуан Себастьян стыдился, что посещает такой скромный трактир, где за один грош он получал стакан пива. Он как будто специально пробирался по самым узким улицам и каждый день шел другой дорогой, поспешно пересекая главные улицы как человек, желающий как можно меньше обращать на себя внимание. Он не один гулял по тихим улицам: в то время в Данциге было много тех, кто из богатства впал в нужду. Много контор, когда-то шумных и процветавших, теперь были заперты и безмолвны. В течение пяти лет цветущий Данциг лежал под железной пятой завоевателя. Казалось, что Себастьян ждал только объяснения несвоевременного отсутствия Шарля, чтобы выполнить свою ежедневную программу. Едва часы на башне Ратуши успели пробить семь, как он снял с вешалки возле двери столовой свою шляпу и плащ. Он был так погружен в свои мысли, что не заметил Барлаша, сидевшего как раз перед открытой дверью на кухню. Но Барлаш увидел хозяина и только почесал свою растрепанную голову.

Вечера на севере холодны даже в июне, и Себастьян обязательно одевал свой плащ. Видимо, он не привык в подобных мелочах обходиться без посторонней помощи. Барлаш вышел из кухни, когда Себастьян повернулся к нему спиной, и помог ему накинуть на плечи широкий плащ.

– Спасибо, Лиза, спасибо, – сказал, не оглядываясь, Себастьян по-немецки.

Случайно Барлаш исполнил одну из обязанностей Лизы, а хозяин дома был слишком углублен в свои мысли, чтобы почувствовать запах нюхательного табака, который оповещал о приближении папа Барлаша.

Себастьян взял шляпу и вышел, заперев за собой дверь, а Барлаш, следовавший за ним до порога, остался стоять на коврике с глупым выражением лица.

– Рассеянный гражданин, – пробормотал он, возвращаясь в кухню, где снова сел на стул у открытой двери. Он почесал в голове и задумался. Но мысли его, как и движения, были медлительны.

И вдруг он ударил себя кулаком по лбу и воскликнул:

– Чтоб тебя разорвало! Где я раньше видел это лицо?

Себастьян вышел через Фрауэнтор на набережную. Хотя уже стемнело, но в амбарах еще кипела работа. Река была вся покрыта судами, а по дороге тянулась непрерывная вереница телег – одинаковых, слишком больших и тяжелых для дорог, проложенных по болотам.

Себастьян повернул направо и остановился на углу Лангемаркта, где дорога суживается, подходя к Зеленым воротам. Ему преградила путь толпа зевак, смотревших через плечи друг друга по направлению береговой дороги и моста. Себастьян был высокого роста, и ему не требовалось становиться на цыпочки для того, чтобы увидеть раскачивающиеся прямые ряды штыков и линию киверов, поднимающуюся и опускающуюся в такт с топотом тысячи ног по звонкому дереву нового моста.

Целый день из города шли войска по дороге в Эльбинг и Кенигсберг.

– То же самое, – заметил человек, стоявший близ Себастьяна, – происходит у Высоких ворот, где они выходят на дорогу, ведущую в Кенигсберг через Дессау.

– Они идут дальше Кенигсберга, – многозначительно ответил седовласый ветеран, бывший, вероятно, в сражении под Эйлау: он имел подавленный вид.

– Но война ведь не объявлена, – сказал первый.

– Ну так что ж?

И оба обернулись с вызовом к Себастьяну, как бы приглашая его или высказать свое мнение, или выразить свое удивление их необыкновенной проницательности. Он был одет лучше их. Он должен был знать больше их. Но Себастьян смотрел поверх толпы и как будто не слышал разговора.

Вскоре он повернул обратно и пошел по другой дороге, боковыми улицами и маленькими узкими проходами, которые можно и теперь еще встретить со всех сторон Мариенкирхе. Наконец он добрался до Портшезенгассе, в сумерках казавшейся довольно спокойной, хотя вдалеке были слышны топот солдат и грохот пушечных лафетов по мостовой Лангегассе.

В Портшезенгассе было всего два фонаря, раскачивавшихся на железных столбах, по одному на каждом конце улицы. Они еще не были зажжены, хотя день быстро угасал и свет с запада едва проникал между высокими коньками крыш, нависавшими над улицей и таинственно шептавшимися друг с другом.

Себастьян шел по направлению к «Белой лошади», когда из трактира вышел кто-то, кто, по-видимому, поджидал его.

Незнакомец – представительный человек с дряблыми щеками и странными светло-голубыми глазами (глазами фанатика, сказали бы вы) прошел мимо Себастьяна, сделав незаметный знак, предписывающий молчание и вместе с тем приглашавший следовать за ним. При входе в узкий проход, ведущий к Мариенкирхе, человек подождал Себастьяна, который шел все той же неторопливой, полной достоинства походкой.

– Сегодня не там, – сказал человек, подняв толстый палец и показывая в обратную сторону.

– Так где же?

– Нигде, – был ответ. – Он приехал. Вы это знаете?

– Да, – медленно ответил Себастьян. – Я видел его.

– Он теперь ужинает с Раппом и другими. Город полон его клеветами. Его шпионы снуют повсюду. Двое из них, выдающих себя за баварцев, сидят в «Белой лошади». Смотрите! Вот и еще один.

Он указал по направлению Портшезенгассе, туда, где улица расширяется, встречаясь с Лангегассе, и где последние лучи солнечного света светили более ярко, чем в узком проходе, в котором они стояли.

Себастьян посмотрел в указанном направлении. Там не спеша прогуливался офицер.

Внимательный наблюдатель заметил бы, что офицер не бряцал шпорами и нес саблю в руке, чтобы она не звенела о мостовую. Не видно было, откуда он появился. Должно быть, из двери, находившейся почти напротив «Белой лошади».

– Я знаю этого человека, – сказал Себастьян.

– И я тоже, – был ответ, – это полковник Казимир.

Кивнув слегка головой, представительный человек снова направился на Портшезенгассе по направлению к трактиру, точно он был назначен там часовым.

VI

Кенигсбергский сапожник

*Chacun ne comprend que
ce qu'il trouve en soi⁶.*

За два года до смерти Луизы Прусской, в 1808 году, группа кенигсбергских ученых и профессоров образовала нечто вроде союза, несколько неопределенного и химерического, имевшего целью поощрять добродетель, дисциплину и патриотизм. А теперь, в 1812 году, четыре года спустя, память о Луизе все еще жила в узких улицах, примыкавших к берегам речки Прегель, под стенами большого Кенигсбергского замка, между тем как Тугендбунд (союз добродетели), подобно семени, затоптанному железной пятой, врос могучими корнями в землю.

Война надвигалась без остановки от торгового Данцига до просвещенного Кенигсберга. Она гнала перед собой, как обломки кораблекрушения, быстрых и деятельных людей, с острым взглядом, неутомимых, стремящихся к славе. Людей, разговаривавших с безусловным авторитетом и расплачивавшихся из бездонного кошелька. Приезд Наполеона в Данциг погнал первую волну эмигрантов в Кенигсберг. Уже все дома были полны.

В качестве казарм нельзя было воспользоваться амбарами с высокими остроконечными крышами на берегу реки, потому что они уже были завалены от пола до потолка припасами и оружием. И солдаты спали, где могли. Они располагались биваками на лесных полянах, у реки. Деревенские женщины, явившиеся рано утром со своими корзинами на рынок Нейер Маркт, увидели его превращенным в лагерь, но зато встретили рьяных покупателей, весело торговавшихся на полдюжине различных наречий. Однако у них не ощущалось недостатка в деньгах.

На дороге стояли возы, заполненные солдатами.

Кенигсбергский Нейер Маркт – квадрат, нижняя часть которого образует набережную Прегеля. Река здесь узкая. По другую сторону простирается открытая местность. Дома, окаймляющие квадрат, все одинаковы: двухэтажные, со слуховыми окнами на крыше. Впереди посажены деревья. Перед домом, ныне под номером тринадцать, на правом углу, с фасадом на запад, а боком к реке, деревья поднялись до самых окон, так что ловкий человек или мальчик может без большого риска перелезть со стропил под слуховым окном на верхние ветви лип, которые разрослись здесь очень густо.

Менее чем через тридцать часов после прибытия Наполеона в Данциг молодой солдат, разыскивавший себе квартиру, постучался в дверь дома номер тринадцать, посмотрел наверх, на переплетающиеся ветви, и заметил их расположение. Казалось, что ему кто-то описал этот дом, как тот, впереди которого растут липы, потому что он прошелся по всему квадрату между деревьями и домами, прежде чем постучался в эту дверь, над которой не висело никакого номера, как это делается в наше время. Его уставшая лошадь задумчиво следовала за ним, и теперь, опустив голову, неподвижно стояла в тени. На новоприбывшем был темный мундир, побелевший от пыли, его грязные волосы висели слипшимися прядями. Он имел не особо аккуратный вид.

Солдат смотрел на вывеску, качавшуюся над дверным косяком, – остаток времен Польши. На ней было нарисовано подобие сапога. В Польше, где много пограничных городов, в которых говорят на нескольких языках, вывески не пишутся словами, на них рисуют подхо-

⁶ Каждый понимает только то, что находит в себе.

дящее изображение, так что на каждом доме видно, каким ремеслом занимается его обитатель, и такая вывеска понятна и литовцу, и русскому, и шведу, и донскому казаку.

Солдат снова постучался, и наконец дверь отворил толстый человек, который посмотрел не на лицо пришельца, а на сапоги. Так как последние не нуждались в починке, то сапожник наполовину прикрыл дверь и посмотрел в лицо незнакомца.

– Что вам нужно? – спросил он.

– Ночлега.

Дверь чуть не закрылась у солдата перед носом, но он сделал странное движение левой рукой: все пальцы сжались, кроме большого, которым он медленно почесал себе подбородок.

– Я не сдаю комнаты, – сказал сапожник, но не запер дверь.

– Я могу заплатить, – возразил незнакомец, все еще прижимая палец к подбородку; у него были быстрые глаза под косматыми волосами, нуждающимися в стрижке. – Я очень устал. Мне нужна комната только на одну ночь.

– Кто вы такой? – спросил сапожник.

Солдат был мешковат и медлителен. Он прислонился в усталой позе к дверному косяку, а затем ответил:

– Сержант Шлезвигского полка. Мне поручено набрать запасных лошадей.

– Вы приехали издалека?

– Из Данцига, нигде не останавливаясь.

– Кто вас прислал ко мне? – брюзгливо спросил сапожник.

– Слесарь Кох из Шмидегассе. Смотрите, у меня есть деньги. Говорю вам, что это только на одну ночь. Отвечайте: да или нет? Мне хочется спать.

– Сколько вы заплатите?

– Талер, если хотите. Другим с радостью можно заплатить.

Поколебавшись еще с минуту, сапожник пошире открыл дверь и вышел.

– Вам придется заплатить еще один талер за лошадь, которую я отведу в конюшню дворника на углу. Войдите в мастерскую и посидите там, пока я не вернусь.

Хозяин, стоя на пороге, наблюдал, как солдат тяжело уселся на скамейку и прислонился головой к стене.

Он совсем почти заснул, и сапожник, который был хром, заковылял с лошадью, пожав плечами с выражением не то жалости, не то подозрения. Если бы он не был так хром и тяжел на ногу и если бы ему пришлось в голову бесшумно вернуться, то он увидел бы, что его гость не спит и торопливо открывает все ящики, роется между дратвой и шилами, поднимает каждую кипу кожи и вытряхивает даже сапоги, ожидающие починки.

Когда хозяин вернулся, солдат спал, и его пришлось долго трясти, прежде чем он открыл глаза.

– Хотите поесть перед сном? – спросил сапожник довольно любезно.

– Я поел, проезжая по Лангегассе, – был ответ. – Нет, я хочу спать. Который час?

– Всего только семь часов, но это ничего не значит.

– Да, это ничего не значит. Завтра я в пять часов должен быть на ногах.

– Хорошо, – сказал сапожник. – Но вы не даром потратились. Постель хорошая. Это постель моего сына. Он уехал, и я один в доме.

Говоря это, он проводил гостя наверх. Комната была той самой мансардой, слуховое окно которой выходило на липовые деревья. Она была мала и не слишком чиста, ибо Кенигсберг был когда-то польским городом.

Солдат вряд ли обратил внимание на обстановку; он тотчас же сел с изнеможением животного, окончившего свой дневной труд.

– Я почию ваши сапоги, пока вы спите, – сказал, между прочим, хозяин, – дратва подгнила, посмотрите, тут и тут.

Он нагнулся и, быстро отделив шилом, которое носил за кушаком, голенище от головки, показал перетертые концы дратвы.

Не ответив ни слова, солдат оглянулся, отыскивая приспособление для снятия сапог, без которого ни одна немецкая и польская спальня не может считаться полной.

Когда сапожник ушел с сапогами под мышкой, солдат скорчил рожу по направлению к двери. Без сапог он стал пленником в доме. Он слышал, как его хозяин уже принялся за работу в мастерской внизу.

Правильный «тук-тук» молотка сапожника был слышен еще около часа до сумерек, и все это время солдат лежал одетый на постели. Затем скрип лестницы возвестил о приближении подкрадывающегося хозяина. Он остановился у дверей, прислушался и даже попробовал отворить дверь, но она была заперта на задвижку.

Солдат громко храпел, лежа с открытыми глазами на постели. Услыхав звук поворачивающегося ключа с наружной стороны двери, он опять сделал гримасу. Черты его лица были слишком подвижны для шлезвигца.

Солдат слышал, как сапожник снова почти бесшумно спустился с лестницы. Тогда, поднявшись с постели, он подошел к окну. Вся Лангегассе, казалось, состояла из кафе и ресторанов. Нижний этаж, имеющий отдельный вход, распространял запах простых померанских кушаний, а каждый дом и по сей день имеет краткую, но отрадную надпись: «Здесь едят». Следовало предполагать, что сапожник по окончании своего рабочего дня отправится в одно из таких мест по соседству.

Но кухонный запах, примешавшийся к запаху кожи, известил, что сапожник сам готовит себе ужин. По-видимому, он был необщительным человеком: вместе с ним жил только его сын, и большую часть времени он проводил в одиночестве.

Сидя у окна, которое еще освещала вечерняя заря, шлезвигец открыл свой хорошо снабженный ранец и, вынув из него бумагу, перо и чернила, принялся писать, наблюдая одним глазом за окном и прислушиваясь к малейшему шуму внизу.

Вдруг он отбросил перо и быстро подошел к открытому окну. Сапожник вышел из дому, тихо запер за собой дверь.

Можно было ожидать, что он повернет налево, по направлению к городу и Лангегассе, но он пошел к реке. С этой стороны не было никакого пути, кроме как к лодке, которая смутно виднелась вдалеке.

Уже почти совсем стемнело, и деревья, растущие у самого окна, закрывали все вокруг. Постоялец так жадно следил за движениями хозяина, что в одних носках выполз на крышу и лег навзничь под окном. Он мог разглядеть только тень хромого человека у самой реки. Последний шевелился, отвязывая лодку, прикрепленную цепью к ступенькам, которые больше нужны зимой, когда Прегель образует ледяную дорогу, чем летом. На Нейер Маркте не было больше ни души: наступило время ужина.

Посреди реки стояло на якоре несколько судов голландской постройки, торговавших в Фришгафе и в Балтийском море.

Солдат видел, как лодочка поплыла в их направлении. Поблизости не было видно другой лодки. Он встал на край крыши и легко, почти без шума, спрыгнул на верхний сук липы.

До рассвета, когда сапожник еще спал, солдат уже опять был на ногах. Он дрожал, вставая с постели и подходя к окну, где висело на стропилах его платье. Вода все еще капала с мундира. Завернувшись в одеяло, солдат сел у открытого окна и принялся писать, пока утренний ветерок сушил его платье.

Писал он длинный рапорт, несколько листов убористым почерком. Среди работы он остановился, чтобы перечитать письмо, написанное им накануне вечером. Быстрым невольным движением он поцеловал имя, на которое было адресовано письмо. Затем снова принялся за работу.

Солнце встало прежде, чем он сложил бумаги. В виде постскриптума к рапорту он написал:

«Дорогой К., мне посчастливилось, как вы увидите из прилагаемого рапорта. Его величество не может на этот раз сказать, что я был небрежен. Я был совершенно прав. Нам следует опасаться Себастьяна, и только одного Себастьяна. Здесь топорные заговорщики, если сравнить их с ним. Я половину ночи провел в воде, подслушивая через открытое кормовое окошко ревельского судна. Его величество может спокойно ехать в Кенигсберг. Право, лучше ему выбраться из Данцига. Вся страна наполнена тем, что они называют патриотизмом, а мы – изменой. Но я могу повторить лишь то, чему его величество не поверил третьего дня, а именно: что сердце всего зла – в Данциге, а его ядовитое жало – Себастьян. Кто он такой в действительности и что ему нужно – это вы должны узнать. Сегодня я еду дальше – в Гумбинен. Вложенное сюда же письмо прошу вас передать по адресу хотя бы как признание того, что я принес в жертву».

Письмо было без подписи, и на нем стояла дата: «10 июня». Это письмо, рапорт и другое письмо (тщательно запечатанное облаткой), в котором не говорилось о войне и ее тревогах, солдат положил в один большой конверт. Однако же он вдруг задумался. Затем вынул открытое письмо и прибавил к нему постскриптум:

«Если бы на жизнь Н. было произведено покушение, я бы сказал, что в этом виноват Себастьян. Если бы Пруссия вдруг изменила нам и отрезала бы нас от Франции, я опять-таки сказал бы – Себастьян. Он опаснее фанатика, ибо слишком умен, чтобы стать фанатиком».

Сапожник постучал в дверь.

– Да, да, – воскликнул постоялец, – я уже встал!

Хозяин продолжал неистово стучать.

Тогда солдат накинул на мокрое платье свой длинный кавалерийский плащ и открыл дверь.

– Вы не сообщили мне своего имени, – сказал сапожник.

Подозрительный человек всегда бывает более подозрителен в начале дня.

– Мое имя, – небрежно ответил гость, – о, мое имя – Макс Бруннер!

VII

Путь любви

*Celui qui souffle le feu
s'expose a etre brule par les etincelles⁷.*

Мы уже сказали, что полковник Казимир – гость, присутствие и мундир которого особенно выделялись на тихой свадьбе в Фрауэнгассе, был поляк из Кракова. Передавалось шепотом, что он пользуется «доверием» императора. «Доверием» – это только так говорилось: ни один человек никогда еще не бывал пропущен в эту сверхчеловеческую душу.

Когда армия двинулась вперед, Казимир остался в Данциге.

– Будет дано большое сражение, – сказал он, – где-нибудь близ Вильны, и я не попаду туда.

И действительно, каждый стремился вперед. Тот, кто придал новое значение человеческому честолюбию, оказался способным зажечь не только французов, но и солдат других национальностей огнем своего собственного, всепожирающего пламени.

– Да, – сказал Казимир, разговаривая с Дезирэ, – и ваш муж счастливее меня. Он, верно, получит назначение в штаб. Он будет среди первых. Всему скоро наступит конец. Войну объявят завтра.

Они стояли на улице, недалеко от Фрауэнгассе, откуда практичная Дезирэ спешила на рынок. Казимир как будто бесцельно прогуливался, когда заметил ее.

Дезирэ, при известии о войне, сделала легкое движение, выражавшее ужас. Она не знала, что сражение уже началось.

– О! – воскликнул Казимир с успокаивающей улыбкой. – Вам не о чем печалиться. Войны не будет. Говорю это вам по секрету. Россия парализована. Я шел на Фрауэнгассе, чтобы засвидетельствовать свое почтение вашему батюшке и сказать вам два слова. Ну, вот вы снова улыбаетесь. Это хорошо. Вы были так серьезны, madame, когда поспешно шли по улице, а ваши глаза смотрели куда-то вдаль. Вы не должны думать о Шарле, если мысль о нем заставляет вас так печалиться.

Его обращение было ласковым, доверчивым и свободным, оно как будто приглашало оказать в ответ такое же доверие. Такие люди всегда рискуют или попасть, или промахнуться – и Казимир промахнулся. Он увидел, что Дезирэ отшатнулась. Она была молода и обладала той чистотой, через которую как будто насквозь видны все тайные мысли, так что каждый может их прочесть. В данную минуту ее лицо выражало ясный и определенный отказ доверить что бы то ни было этому человеку, смотревшему ей в глаза почтительно и с симпатией.

– Я знаю наверняка, – сказал он, – что два дня тому назад Шарль был здоров и что в главной квартире о нем очень высокого мнения. Это, во всяком случае, я могу вам сказать.

– Благодарю вас, – произнесла Дезирэ.

Она ничего не имела против Казимира. Она видела его всего два раза; знала, что он – приятель Шарля и в некотором смысле его начальник, так как Казимир занимал высокое положение в Данциге. Она готова была, раз он нравится Шарлю, относиться к нему по-дружески, но хотела дойти до этого сама. Женщине всегда приходится измерять расстояние.

Дезирэ сделала движение, показывавшее, что она желает продолжать свой путь, и Казимир, сняв шляпу, тотчас же посторонился.

– Застану ли я дома вашего батюшку? – спросил он.

⁷ Тот, кто раздувает огонь, подвергается риску обжечься его искрами.

– Вероятно. Он был дома, когда я выходила, – ответила она, приветливо ответив на его поклон.

Казимир посмотрел ей вслед и постоял с минуту, как бы обдумывая то, что произошло между ними.

«Надо попробовать с другой», – сказал он про себя, сворачивая с Пфaffenгассе. Он продолжил свой путь неспешным шагом. На углу Фрауэнгассе в тени лип Казимир остановился и увидел, как из подъезда дома номер тридцать шесть вышел Антуан Себастьян и двинулся в противоположном направлении, через Фрауэнтор, на набережную. Когда прислуга сообщила Казимиру, что Себастьян вышел, он сделал легкий жест, выражающий досаду, затем, подумав немного, решил пренебречь приличиями.

– Дело в том, – сказал он на прекрасном немецком языке приветливым и доверчивым тоном, – что я имею известия о мосье Даррагоне, муже мадам Дезирэ. Вы говорите, что мадам вышла. Ну так как же мне поступить?

Он попросил совета таким обворожительно-серьезным тоном, что немногие устояли бы. Горничная кивнула головой, многозначительно подмигнув ему одним глазом.

– Фрейлейн Матильда дома.

– Но... хорошо, спросите ее, не окажет ли она мне честь поговорить со мной одну минутку? Я предоставляю это вам.

– Да войдите же, – пригласила девушка. – Поднимитесь наверх. Она примет вас. Почему же и не принять?

И она повела его наверх. Папа Барлаш, сидевший как раз в дверях кухни, где он сидел целыми днями, ничего не делая, услышав звон шпор и бряцание сабли о перила лестницы, посмотрел из-под своих нависших бровей. Он имел вид сторожевой собаки.

Матильды не оказалось в гостиной, и служанка оставила Казимира в комнате одного, сказав, что пойдет за своей госпожой. На столах лежали две-три книги. Один стол был в беспорядке, то был стол Дезирэ. В углу комнаты стоял секретер. Он был заперт, и его замок стоил очень дорого. Казимир отличался наблюдательностью. Он успел это заметить, а также и то, что в рабочей корзинке Дезирэ не лежало никаких писем; он прочел заголовки книг и увидел, что на титульных листах не написано ничьих имен. Казимир уже смотрел в окно, когда дверь отворилась и вошла Матильда.

В те дни к женщинам обращались с большим внешним почтением, хотя в действительности они почти не имели веса в делах. Поклон Казимира был более глубоким и более тщательно выработанным, чем это требовала бы вежливость наших дней. Выпрямившись, он быстро сдержал возглас удивления.

Матильда, должно быть, ожидала его. На ней было белое платье, а волосы она перевязала светлой лентой. На щеках, обыкновенно бледных, выступил легкий румянец. Может быть, благодаря отсутствию Дезирэ Казимир впервые заметил, насколько Матильда хороша собой. В ее глазах светилось нечто такое, что привлекало внимание. Он вспомнил, что на свадьбе ни разу не видел ее глаз. Она неизменно отводила их в сторону. Теперь же она встретила его взгляд со смущающей прямоотой.

Казимир был галантен. Всем женщинам оказывал он внимание, и их делом было придать этому вниманию ту окраску, какую рисовала им фантазия. Во время немногочисленных предшествующих встреч с Матильдой Казимир был к ней по-своему *empresse*. Взглянув на нее, он стал вспоминать прежние встречи и не припомнил, чтобы действительно ухаживал за ней.

– Мадемуазель, – сказал он, – для солдата в военное время рамки приличий могут быть слегка ослаблены. Мне сказали, что вы одни, что ваш батюшка вышел, и все-таки я настоял...

Он развел руками и виновато улыбнулся, как бы прося помочь ему выйти из затруднительного положения, в которое он попал.

– Отец будет сожалеть... – начала было она.

– Не в том дело, – прервал ее Казимир. – Я думал о вашем неудовольствии. Но у меня есть оправдание, уверяю вас. Я прошу у вас только несколько минут, чтобы сообщить вам, какие я получил сведения из Кенигсберга о том, что Шарль Даррагон здоров и благополучно продвигается вместе с авангардом к границе.

– Вы очень добры, что пришли так скоро, – ответила Матильда, и в ее голосе послышалась какая-то странная нотка разочарования; Казимир, должно быть, уловил ее, потому что он снова с удивлением посмотрел на девушку.

– Это мое оправдание, мадемуазель, – сказал он, подчеркивая эти слова, как бы ища верный путь, Казимир обладал смекалкой человека, который должен жить своим умом среди других, живущих теми же неверными средствами. Он заметил, что Матильда покраснела, и снова он стал колебаться, как колеблется путник, увидевший легкую дорогу там, где, как он думал, ему придется карабкаться в гору. Он как будто спрашивал себя, что это означает.

– Шарль интересуется вас не так сильно, как вашу сестру? – рискнул он намекнуть.

– Он никогда особо не интересовал меня, – ответила равнодушно Матильда.

Она не попросила Казимира сесть. Это было бы противно этикету того времени, когда женщины считались, по какой-то странной ошибке, неспособными управлять собственными желаниями.

– Потому ли, что он влюблен, мадемуазель? – спросил Казимир, сдерживая улыбку.

– Может быть.

Она не смотрела на него. На этот раз Казимир не промахнулся. Его чистосердечная доверчивость получила быстрый ответ. Он снова улыбнулся и направился к двери. Матильда стояла неподвижно, и, хотя она не произнесла ни одного слова и даже жестом не пригласила его остаться, он остановился на пороге и снова обратился к ней.

– Моя совесть, – произнес Казимир, смотря на девушку через плечо, – приказывает мне уйти.

Лицо Матильды и ее глаза спросили: «Почему?» Но крепко сжатые губы не разомкнулись.

– Я не могу претендовать на то, что я интереснее Шарля Даррагона, – рискнул он ответить. – А вы, мадемуазель, признались, что не имеете никакого снисхождения к влюбленному мужчине.

– Я не имею снисхождения к мужчине, которого любовь расслабляет. Любовь должна делать его сильным и стойким.

– Для чего?

– Для того, чтобы он исполнил назначение мужчины, – холодно ответила Матильда.

Казимир стоял у открытой двери. Он запер ее, толкнув ногой. Полковник, очевидно, умел ловить момент, не задумываясь над тем, что ждет его впереди. Могут возникнуть непредвиденные затруднения, но и ими сметливый человек может воспользоваться, превратив в удобные обстоятельства.

– Так вы допускаете, мадемуазель, – сказал серьезно Казимир, – что что-нибудь хорошее кроется в любви, которая постоянно борется с честолюбием и... не одерживает верх?

Матильда ответила не сразу. В их положении существовал какой-то странный намек на вражду, на непримиримую вражду, которую, как уверяют поэты, часто смешивают с любовью, но, конечно, это была не та любовь, которая сходит с небес и возвращается на небо, чтобы жить там вечно.

– Да, – произнесла она наконец.

– Такова моя любовь к вам, – сказал он; его жизненный опыт подсказывал ему, что с Матильдой лучше всего объясняться немногословно.

Казимир выражал только мысли своего века, ибо в то время честолюбие занимало первое место в сердцах людей. Все, кто служил великому авантюристу, руководствовались им в своих соображениях, и Казимир только подражал тем, кто стоял выше его.

– Я намерен стать великим и богатым, мадемуазель, – прибавил он, подумав. – Ради этой цели я не раз рисковал своей жизнью.

Матильда смотрела в окно. Казимир мог видеть только прямую линию ее губ. Она также вышла из того поколения, в котором мужчины достигали головокружительной высоты без помощи женщин.

– Я бы не стал докучать вам, мадемуазель, этими мелочами, – сказал Казимир, наблюдая за ней (он был очень проницателен, так как в те дни ни одна женщина из тысячи не допустила бы, что любовь есть мелочь). – Я бы не упомянул об этом, если бы вы не высказали мне свои взгляды, столь схожие с моими.

Каково бы ни было происхождение Казимира, его голос был голосом поляка, музыкальный и выразительный. Можно было подумать, что он способен на совсем другого рода любовь, если бы пожелал того или если бы был искренен. Матильда требовала любви такого рода.

Казимир немного приблизился к ней и стоял, слегка опираясь на саблю, худошавый, жесткий мужчина, видевший много войн на своем веку.

– Пока вы не открыли мне глаза, – сказал он, – я не знал или не хотел знать, что любовь не только не помеха честолюбию, но даже может стать его помощницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.